

РОССИЙСКАЯ НАЦИЯ: ИДЕИ И ТРУДЫ

Борис Прокудин, Владимир Болдин

КОНЦЕПЦИИ СЛАВЯНСКОГО ЕДИНСТВА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ. (Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ, И.В. КАМЕНСКИЙ)

Аннотация: В статье предпринимается попытка проанализировать основные концепции славянского единства в русской социально-политической мысли последней четверти XIX – начала XX вв.: религиозно-нравственные идеи Ф.М. Достоевского, проект «Общеславянской Матицы» и программу кружка «Славянская беседа», составленную И.В. Каменским.

Ключевые слова: панславизм, Ф.М. Достоевский, «Общеславянская Матица», «Славянская беседа», И.В. Каменский.

Summary: The paper attempts to analyze the basic concepts of Slavic solidarity in Russian social and political doctrines of the last quarter of the XIX – early XX centuries: religious and moral ideas of F.M. Dostoevsky, the project “the Slavic Matica” and program of the coterie “Slavic conversation” composed by I.V. Kamensky.

Key words: Pan-Slavism, F.M. Dostoyevsky, «the Slavic Matica», «Slavic conversation», I.V. Kamensky.

Прокудин Борис Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова; *Болдин Владимир Алексеевич* – аспирант кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова.

Панславизм, как идея исторического единства славянских народов, основанная на родстве языков, древней литературы и общности судеб, возник не в России, а на европейском континенте, точнее, в Чехии и Словакии в начале XIX в. В это время, благодаря произведениям Я. Коллара, Ф. Палацкого, П. Шафарика и других деятелей т.н. «славянского возрождения», славяне осознают свою национальную идентичность и этноязыковое родство¹.

В России интерес к славянскому миру появился по сути как протест интеллектуалов против нездорового увлечения западничеством в правительственных кругах и дворянской элите страны. Изначальные русские варианты теории славянской взаимности возникли в творческом союзе славянофилов и ученых-славистов, это были 1840–1850-е гг. Первые выводили необходимость славянского единства из представлений о необратимом противостоянии между романо-германским и греко-славянским «мирами», вторые – на основе изучения культуры, языков, фольклора славянских народов.

Важную роль в развитии русского панславизма сыграл процесс институционализации панславистского движения. Появившиеся в 1858 и 1868 гг. Московский и Петербургский славянские благотворительные комитеты стали центрами интеллектуальной и общественной активности, которые распространяли идеи славянского братства, формировали общественное мнение по т.н. «восточному вопросу».

В своем понимании панславизма русские мыслители сразу разделились на тех, кто призывал к сближению славянских народов в первую очередь в области культуры, и тех, кто предполагал их государственное объединение. Соответственно самая простая классификация идей славянской взаимности в России делит их на идеи «культурного» и «политического» панславизма. Разумеется, эту классификацию нельзя считать безупречной, по крайней мере потому, что те сторонники славянской взаимности, которые никогда не выдвигали программы политического объединения славянских стран, а ратовали лишь за культурное сближение, в далекой перспективе все-таки предполагали возможность объединения славянских народов в одно государство.

Развитие теории панславизма тесно связано с событиями на Балканском полуострове во второй половине XIX в. и политикой России в от-

¹ Подробнее см.: *Шириняц А.А., Мыркова А.В.* Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века. М., 2010. С. 12–17; *Шириняц А., Мыркова А.* Русофобский миф на «панславизма» // Политически исследования. Българска асоциация за политически науки. София. Брой 1-2. 2010. С. 85–110.

ношении славянских народов. Можно выделить три основных этапа в становлении панславизма. Первый – после окончания Крымской войны (1856 г.) до т.н. «восточного кризиса» (1875 г.), второй – от восточного кризиса и Русско-турецкой войны до Берлинского мира (1878 г.), третий – после Берлинского мира.

В первый период, после поражения в Крымской войне, во внешней политике России произошли серьезные изменения. Россия вынуждена была существовать в условиях международной изоляции. Условия Парижского мира были унижительны (уступка части Бессарабии и запрет на восстановление по сути уничтоженного Черноморского флота), однако в 1860-е гг. Россия была не готова вести крупную войну с Османской империей. Условно этот период можно назвать периодом культурного панславизма. В те годы образовывались славянские благотворительные комитеты, укреплялись связи русских ученых и публицистов со славянскими деятелями, положение балканских народов активно обсуждалось в печати. Вместе с тем о политическом решении славянского вопроса не могло идти и речи. Одной из основных фигур, ярко характеризующих умонастроение этого периода, можно назвать В.И. Ламанского².

В период восточного кризиса Россия попала в сложную политическую ситуацию. Ведомство Горчакова пыталось всеми способами найти решение балканских проблем мирным путем (Россия все еще не была готова к большим войнам). Но после неудачи дипломатии и вступления Сербии и Черногории в войну с Турцией российское правительство, не желавшее терять традиционное влияние на Балканах, было вынуждено объявить войну Османской империи. Немаловажную роль в окончательном решении правительства сыграли славянские благотворительные комитеты и панславистские публицисты, подогревавшие порыв общественной солидарности с южными славянами.

Период восточного кризиса можно также с долей условности назвать периодом именно политического панславизма в России. Впервые появилась возможность воплотить в жизнь панславистские мечты об изгнании турок с Балкан. Теперь подавляющая часть теоретиков славянского единства открыто призывали к политическому объединению славян. Характерными представителями этого течения в русском панславизме были и генерал Р.А. Фадеев³, и Н.Я. Данилевский, и А.И. Васильчиков.

² См.: Прокудин Б.А. В.И. Ламанский о единстве славян // Вестник Российской нации. 2016. № 3. С. 70–82.

³ См.: Гилязов М.В. Политические идеи и проекты Р.А. Фадеева (1824–1884). М., 2002. С. 97–111.

Берлинский конгресс поставил крест на планах и мечтаниях панславистов относительно полного освобождения южных славян. Время после конгресса можно назвать периодом стагнации панславистского движения. В интеллектуальной среде, связанной и с деятельностью славянских комитетов, возобладали мессианские и религиозно-нравственные идеи Ф.М. Достоевского. Однако к началу XX в. исторические события в Европе вновь поставили на повестку дня «славянский вопрос», теоретическим ответом на который стала программа кружка «Славянская беседа», составленная И.В. Каменским.

«В славянском мире Достоевский является самым большим пророком и самым ревностным апостолом славянства. Славянская идея является одним из главных его пророчеств и одним из главных его благовестий»⁴, – писал в 1931 г. сербский богослов И. Попович в книге «Достоевский о Европе и славянстве». Но у Достоевского нет ни одной работы, в которой была бы представлена какая-то панславистская доктрина или изложена законченная система воззрений по славянскому вопросу. Что же позволяет сербскому мыслителю называть его «апостолом славянства», и о каком «благовестии» идет речь?

Основу взглядов Достоевского на всеславянство мы можем найти в двух работах, написанных им от имени Славянского благотворительного общества⁵. Эти два произведения – поздравительный «адрес» Александру II, составленный им к 19 февраля 1880 г. – 25-летию царствования императора, и известная речь Достоевского на открытии памятника Пушкину в июне 1880 г. в Москве. Свои взгляды по славянскому вопросу Достоевский высказывал также в номерах «Дневника писателя».

⁴ *Прп. Иустин (Попович)*. Достоевский о Европе и славянстве. М. – СПб., 2002. С. 224.

⁵ Санкт-Петербургское Славянское благотворительное общество – первоначально московский кружок историка-слависта М.П. Погодина. В 1858 г. из этого кружка возник Славянский благотворительный комитет, целью которого было оказание материальной помощи славянским народам «из добровольных пожертвований». В 1868 г. было создано Петербургское отделение комитета (в дальнейшем – общества). Направления деятельности общества сводились к: поддержке православных церквей, школ в славянских землях; развитию литературной и художественной деятельности; обучению славян, приезжавших в Россию; содействию распространения в России сведений о славянах, а в славянских странах – о России и русского языка; выдаче пособий лицам славянского происхождения. Ф.М. Достоевский активно участвовал в жизни Славянского благотворительного общества. В 1880 г. он стал товарищем (заместителем) его председателя К.Н. Бестужева-Рюмина, и, по сути, являлся идейным лидером общества (подробнее см.: *Прокудин Б.А.* Идея славянского единства в политической мысли России XIX века. М., 2007. С. 55–97).

«Мы, Славянское общество, – пишет Достоевский в “адресе” Александру II, – <...> твердо веруем, что вопрос славянского единения, равно как и всего Востока, в конечных целях своих есть вопрос и высшего объединения духовного, есть вопрос православия и великих судеб его уже во всем человечестве. Ибо мы, вместе с великим народом нашим, веруем и в то, что православие, объединяясь в народах, его исповедующих, явит и в силах явить в конце концов истинный и уже неискаженный лик Христов даже всему остальному человечеству, измученному неверием и духовным распадением своим»⁶.

Придававший православию как основе русской и общеславянской культуры гораздо большее значение, чем другие теоретики славянской взаимности, Достоевский предлагает оригинальную трактовку целей и задач панславизма. С помощью православной идеи он хочет спасти не только славян, но и Европу, и весь остальной мир. Т.е. объединение славян для Достоевского – не самоцель. Это лишь промежуточный этап на пути к братскому единению народов всего мира.

По Достоевскому, «освященное Христом» славянство становится своеобразным «мостом» к «всечеловечеству». Всеславянство обретает свое значение в мировой истории только через Христа с его «жертвенным служением всем людям», без каких бы то ни было национальных предпочтений, ради всего человечества. Более того, единение славян (панславизм), по Достоевскому, возможно и необходимо только для «всеслужения человечеству».

Для людей прагматического склада ума, т.е. для римско-католической цивилизации, такая программа, по мысли Достоевского, может выглядеть лишь утопией, но для православного человека она является непосредственным выводом из Евангелия.

Основную роль в объединении славянского мира, как и в дальнейшем служении человечеству, Достоевский отводил русскому народу. «Россия несет внутри себя драгоценность, – писал он, – которой нет нигде больше – Православие, она хранительница Христовой истины, но уже истинной истины, настоящего Христова образа, затемнившегося во всех других верах и во всех других народах»⁷. По сути дела Достоевский считал, что основная идея русского народа, или «русская идея», есть православие. А «истинная сущность Православия – во всеслужении человечеству, к чему оно предназначено»⁸.

⁶ *Достоевский Ф.М.* Адрес Александру II, написанный Достоевским от имени Славянского благотворительного общества // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 т. М., 1990. Т. 30. Кн. 2. С. 47–48.

⁷ *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя за 1876 г. // Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 15 т. СПб., 1994. Т. 13. С. 206.

⁸ Там же. С. 225.

«Стать настоящим русским, стать вполне русским, – произносит Достоевский в своей “Пушкинской” речи, – может быть, и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, *всечеловеком*, если хотите»⁹. «Стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирения в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в русской душе, всечеловечной и всесоединяющей, вместить в нее с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христовому евангельскому закону!»¹⁰.

Почему Достоевский все надежды возлагал на православие? В «Дневнике писателя» за 1877 г. в статье «Три идеи» он писал о том, что в мире противостоят три глобальные идеи. Это идея католицизма, которому, по его мнению, нужен не столько Христос, сколько мировое господство. Вторая идея – протестантский пангерманизм, верящий, что «выше германского духа слова нет иного в мире», и именно благодаря Германии европейское человечество может встать на путь обновления. И третья идея – «идея славянская, идея нарождающаяся, содержащая в себе способности разрешения судеб человеческих в Европе»¹¹.

Т.е. для Достоевского будущее восточного вопроса определялось православно-мессианской идеей, потому что этот восточный вопрос – «есть в сущности своей разрешение судеб православия. Судьбы православия слиты с назначением России»¹². Достоевский отдавал себе отчет в том, что корни католицизма глубоки в славянских странах, однако он глубоко верил в историческое предназначение именно православия для судеб славянских народов.

Православие, по Достоевскому, – это та сила, которая на глобальном уровне может противостоять «антихристианскому» католицизму и экспансионистскому протестантизму, «двум смертным болезням Европы», более глубоким недугам, чем историческое притеснение славян.

Цель православной цивилизации, согласно писателю («православное дело» или «славянская идея»), – это «жертва, потребность жертвы даже собою за братьев, и чувство добровольного долга сильнейшему из славянских племен заступиться за слабого... великое всеславянское единение во имя Христовой истины, то есть на пользу слабых и угнетенных

⁹ Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1877 г. // Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 15 т. СПб., 1995. Т. 14. С. 438.

¹⁰ Там же. С. 439.

¹¹ Там же. С. 10.

¹² Там же. С. 362.

в мире... Вот потому-то, что народ русский сам был угнетаем и перенес многовековую крестную ношу, – потому-то он и не забыл своего “Православного дела” и страдающих братьев своих, поднялся духом и сердцем с совершенной готовностью помочь всячески угнетенным»¹³.

Панславистская концепция Достоевского, по сути, не имела прикладного характера. Писатель не призывал к расширению русского культурного влияния в славянских странах, как это делал В.И. Ламанский, и не вдохновлял русское общество на окончательное изгнание турок из славянских земель, как это делали Н.Я. Данилевский, Р.А. Фадеев и А.И. Васильчиков. Вопрос славянского единения в 1880-е гг. перестает быть политическим, становится «вопросом высшего объединения духовного» и уже не для защиты России или «Русско-Славянской цивилизации», а для защиты всего человечества от католической и протестантской угрозы.

Взгляды Достоевского до сих пор неоднозначно оцениваются в славянских странах. В отличие от И. Поповича, серба по происхождению, знатока и почитателя творчества Достоевского, польский славист А. де Лазари отзывался о них очень критически. В книге о русском почвенничестве он пишет, что придание панславизму Достоевского православного обличья в сущности не противоречило основным положениям «России и Европы» Данилевского, в которой «великодержавный шовинизм XIX в. проявился в наиболее грубой форме»¹⁴. По мнению Лазари, Достоевский только поменял названия: «славянскую идею» заменила «православная идея», тождественная для него «русской идее». «Великодержавность и монархизм, свойственные Данилевскому, который писал, что самодержавие органично и потому необходимо для России, характеризуют также мировоззрение Достоевского. <...> Различает двух мыслителей только одно: если Данилевский – просто трезвый, а временами циничный политик, который взвешивает, что России наиболее политически выгодно, а что – нет, то у Достоевского панславистскую позицию дополняет утопическая этико-эсхатологическая концепция, в которой находится место для славянофильских фантазий о добром, справедливом, любящем народе и любимом им русском царе, о русском народе-богоносце и т.п.»¹⁵.

Дальнейшая история развития идеологии славянской взаимности в России в XIX в. не богата событиями. Медленное угасание Санкт-

¹³ Там же. С. 273.

¹⁴ Лазари А.де. В кругу Достоевского. Почвенничество. М., 2004. С. 95.

¹⁵ Там же. С. 100.

Петербургского Славянского комитета со времени Берлинского конгресса продолжалось еще почти два десятилетия. Вместе с тем, в конце 1880-х гг. была предпринята попытка оживить его деятельность, возникла идея организации крупной межславянской акции. Как указывает З.С. Ненашева, в 1889 г. общество «дало средства, утвердило программу» поездки по славянским землям, целью которой «был созыв общеславянского съезда». Имелись в виду торжества по случаю 900-летия принятия христианства в России. Но «многочисленные встречи и переговоры со славянскими лидерами показали незаинтересованность в созыве какого-либо славянского съезда, поскольку те не были уверены в целесообразности подобных мероприятий. Турне по славянским землям еще раз продемонстрировало слабость интеграционных процессов у славян»¹⁶. Мало того, многие славянские «политические реалисты» вынуждены были отрицать какую бы то ни было «общеславянскую политику», когда у всех перед глазами была «русская Польша». А Болгария, Сербия и Чехия не скрывали, что «идти вместе с Россией политически значит рисковать в одну недобрую минуту превратиться в “Привелтавский” или “Придунайский край” или Балканское генерал-губернаторство, погубить свою национальную самостоятельность и вступить в область административных подвигов русской бюрократии»¹⁷.

Понятно, что такие настроения не способствовали развитию движения славянской взаимности и в России. Разногласия в рамках Петербургского Славянского благотворительного комитета привели к его расколу в 1899 г. Правда, это событие обусловило появление нескольких проектов учреждения новых организаций. Например, возник проект А.А. Боголюбова об основании «Общеславянской Матицы», которым предусматривалось «создание славянской библиотеки, музея изящных искусств, художественных промыслов и кустарных изделий славянских народов, а также отделов этнографии, археологии, нумизматики, специальных залов для проведения торжеств, и, что особенно примечательно, славянской гимназии и “славянского подворья”»¹⁸.

¹⁶ *Ненашева З.С.* Славянские общества в России в последней четверти XIX в. // Балканские исследования. Вып. 16. Российское общество и зарубежные славяне. XVIII – начало XX в. М., 1992. С. 34–35.

¹⁷ Здесь автор статьи цитирует архивные документы отдела рукописей Библиотеки Академии наук Украины (ОР БАН УР. Ф. V. Д. 2122. Папка 1. Л. 2 об.). Подробнее см.: *Ненашева З.С.* Славянские общества в России в последней четверти XIX в. // Балканские исследования. Вып. 16. Российское общество и зарубежные славяне. XVIII – начало XX в. М., 1992. С. 35.

¹⁸ Там же. С. 37.

Приходится констатировать, что идеологи «Общеславянской матицы» в последнее десятилетие XIX в. вернулись к тому, с чего начинали слависты первой половины века – к призыву укреплять культурные связи «всех славянских народностей». Но даже организационная деятельность специальной комиссии, которой было поручено разработать порядок предстоящих мероприятий, не принесла реальных результатов. Идее «Общеславянской матицы» было суждено остаться только на бумаге.

Однако к концу столетия исторические события в Европе вновь поставили на повестку дня «славянский вопрос»¹⁹. Именно на этом фоне в 1892 г. в Санкт-Петербурге сложился славянофильский студенческий кружок «Славянская беседа», одним из основателей которого выступил будущий видный идеолог «культурного панславизма» И.В. Каменский. Члены кружка ставили перед собой задачу объединять студентов высших учебных заведений для научных собеседований по славянским делам, а также выработать «новое славянское мировоззрение», способное отвечать вызовам эпохи.

После распада «Славянской беседы» в 1902 г. Каменский активно включился в деятельность нового журнала «Славянский век» (1900–

¹⁹ Характеризуя геополитические процессы конца XIX – начала XX вв., можно выделить несколько тенденций: 1) окончание русско-турецкой войны 1877–1878 гг. повлекло за собой ослабление Османской империи и появление нового независимого славянского государства – Болгарии. В связи с этим обострился конфликт за разделение сфер влияния на Балканах между Россией, Австро-Венгрией, Германией и др. «Великие державы», подталкиваемые своими промышленно-финансовыми элитами, наращивали финансово-экономическую экспансию, стремясь поглотить рынки «молодых балканских государств»; 2) в монархии Габсбургов нарастало недовольство среди славянской буржуазии. Подобные настроения были обусловлены тем, что основные финансовые и экономические потоки контролировались венгерской и немецкой буржуазией, что лишало предпринимателей и банкиров из славянских земель огромной части доходов. Выход из сложившейся ситуации представители славянских земель видели в налаживании более тесных экономических отношений как друг с другом, так и с Россией; 3) славянские общественные деятели зачастую видели негативные тенденции в усилении экономической и военной мощи Германской империи, а растущий милитаризм в немецком обществе воспринимали как прямую угрозу. Несмотря на то, что большинство славян, проживающих в Австро-Венгрии, стояли на позициях целостности монархии, все же они с надеждой смотрели на Россию как традиционную «защитницу» славянских народов. Однако ошибочно полагать, что славяне империи Габсбургов всерьез рассматривали возможность вхождения в состав России, скорее, усиление политических контактов с «восточным соседом» преследовало конъюнктурные политические цели (усиление автономии в составе Дунайской монархии или помощь в дальнейшей борьбе за независимость).

1904 г.)²⁰, издававшегося в Вене под редакцией Д.Н. Вергуна (1871–1951). Журнал «Славянский век», позиционировавший себя как «всеславянский орган для выяснения и защиты славянских культурных интересов, распространения русского языка и для поощрения торговых сношений между Россией, Австро-Венгрией и Балканским полуостровом», был на тот момент единственной площадкой, где молодые слависты и деятели славянского движения могли обсуждать актуальные вопросы, стоявшие перед «славянством». Именно на страницах «Славянского века» Каменский публиковал свои основные работы, ставшие своеобразной политической программой и квинтэссенцией взглядов сторонников идей «всеславяинства» в начале XX в.²¹

Ключевой для понимания взглядов Каменского и сторонников «нового славянского возрождения» стала статья «Тезисы панславизма», опубликованная в № 59 от 1 (14) января 1903 г. и вызвавшая оживленные дискуссии в лагере панславистов.

Основной целью современных панславистов, с точки зрения Каменского, должна была стать выработка «общеславянской культуры», усиление взаимодействия славянских народов друг с другом, а также накопление и «беспрестанный» обмен духовными и материальными благами²².

В статье «Тезисы панславизма» Каменский выдвинул и конкретный список задач, которыми должна руководствоваться будущая «младославянская» партия: «а) всестороннее развитие каждой отдельной личности и обеспечение ее материального и духовного счастья; б) возможное расширение свободы личности, т.е. до таких пределов, которыми не разрушалась бы жизнь всего общества; в) равноправность сословий как в общественной, так и в государственной жизни; г) равновесие между правами и обязанностями у должностных лиц; д) всеобщая грамотность, как необходимое условие правильной общественной жизни; е) надлежащая постановка и беспристрастное мирное решение рабочего, женского, школьного и иных общественных вопросов и нужд;

²⁰ Подробнее о деятельности журнала «Славянский век» см.: *Болдин В.А.* Журнал «Славянский Век» (1900–1904 г.) в контексте истории панславизма // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник материалов Пятой международной конференции молодых ученых и специалистов «Clio-2015». М., 2015. С. 40–43.

²¹ См.: *Болдин В.А.* «Культурный панславизм» И.В. Каменского // SCHOLA-2014: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. М., 2014. С. 20–23.

²² См.: *Каменский И.В.* Тезисы панславизма // Славянский век: Всеславянский орган. Б/и. Вена. 1903. Вып. 59. С. 323.

ж) скорейшее разоружение, до возможно меньших размеров, громадных армий, поглощающих большую часть государственных доходов, и употребление освобождающихся таким образом средств на поднятие экономического благосостояния славянских народов; з) возможно-большая полнота и разнообразие в проявлениях бытовой жизни славянских народов»²³.

Каменский со своими единомышленниками не оставили без внимания вопрос о политическом объединении славянских народов. Тем не менее, в программе Каменского звучат достаточно осторожные предложения. Так, например, с точки зрения автора, «желательно, чтобы связь между славянскими народами была не только культурная, но и политическая». Для этого Каменский предлагает создание «всеславянской думы для обсуждения и решения дел». Формировалась бы она по принципу пропорционального представительства каждого славянского народа в зависимости от количества населения²⁴. При этом Каменский не ставил никаких конкретных политических целей перед союзным парламентом, а говорил лишь о необходимости достижения «целей панславизма в культурном отношении».

Относительно своей программы Каменский был убежден, что она нисколько не противоречит истинному славянофильству, что «в ней нет мистицизма старой славянофильской школы, с одной стороны, и, с другой, – нет той нетерпимости ложных славянофилов (иначе “квасных патриотов”), которая может быть выражена тремя словами: “обрусить”, “оправославить”, “обюрократить”. Это равносильно, по мнению таких людей, понятию “осчастливить”»²⁵.

Каменский сформулировал последовательно нейтральную в политическом отношении программу и, дабы избавить славянских коллег от «дурных воспоминаний», всячески отрекся от русских «патриотов» консервативного толка, утверждая, что его программа не имеет ничего общего с панславизмом Н.Я. Данилевского или Ф.М. Достоевского. Каменский даже вспомнил А.С. Пушкина, чтобы добавить, что не разделяет пафоса «великодержавного» стихотворения «Клеветникам России». И рабочим языком славянских встреч предлагал сделать французский язык. Все это лишний раз подтверждает намерения Каменского и его соратников по «Славянскому веку» сформировать новый, положительный образ панславистской идеи в глазах прежде всего западных и южных славян.

²³ Там же. С. 323.

²⁴ Там же. С. 324.

²⁵ Там же.

Важное значение для понимания эволюции взглядов русских культурных панславистов рубежа XIX и XX в. имеют очерки И.В. Каменского «Панславизм, пангерманизм и панроманизм в XX веке», посвященные участникам Гаагской мирной конференции 1899 г. Здесь Каменский утверждает, что европейским странам для процветания, достижения «естественного равновесия» и снижения милитаризма «необходимо стремиться к культурному, а, если будет возможность, и к политическому единению трех союзов одноплеменных государств: Романских, Германских и Славянских народов»²⁶.

По мнению Каменского, усложнение социального, политического, экономического и культурного контекста на рубеже XX в. привело к «нарастанию нравственного и социально-политического космополитизма в верхних слоях общества». Поэтому лишь сближение и федеративное соединение по этнографическому принципу родственных наций позволит достигнуть братства, равенства и свободы в материальной, культурной и социальной жизни.

С точки зрения Каменского, политическая карта Европы должна подлежать серьезному пересмотру, т.к. ее нынешнее состояние не соответствует «ходу исторического развития». Так, например, Галицкая Русь должна отойти России, а левую часть Царства Польского стоило бы отдать будущему Польскому штату в составе Австрийской федерации. Это способствовало бы снятию вражды между двумя братскими народами – русскими и поляками, а в дальнейшем и созданию двух одинаково сильных союзных «славянских великанов» – России, «содержащей в своих недрах» финнов, грузин, армян, татар, и Средне-Европейского имперского союза, состоящего из славян бывшей Австро-Венгерской империи, Греции, Румынии Венгрии, Албании. Дипломатическим и коммерческим языком будущего двойственного союза, по идее Каменского, должен был стать русский язык, но малые славянские народы смогли бы жить в союзе с Россией, не боясь в то же время быть поглощенными ею. Между тем в Европе к тому времени сложился бы Двойственный Романо-Германский Союз²⁷.

Подводя итог, нужно сказать, что в последней четверти XIX в. панславистская доктрина в интерпретации Достоевского потеряла прикладной характер. Вопрос славянского единения к 1880-м гг. перестает у него быть политическим, становится «вопросом высшего объединения

²⁶ Каменский И.В. Панславизм, пангерманизм и панроманизм в XX в. Посвящается участникам Гаагской мирной конференции. Одесса, 1902. С. 9.

²⁷ Там же. С. 50–52.

духовного». Не имели практических результатов и проект «Общеславянской матицы» А.А. Боголюбова, а также программа кружка «Славянская беседа» И.В. Каменского и Г.А. Ильинского, созданного на базе потерявшего былую популярность Петербургского Славянского комитета. Члены кружка стремились к выработке «нового славянского мировоззрения» и исходили из тезиса о том, что «всеславянское единение не является само по себе целью панславизма, а служит лишь средством для выработки общеславянской культуры совокупными усилиями отдельных славянских народов».

Список литературы:

1. Болдин В.А. «Культурный панславизм» И.В. Каменского // SCHOLA-2014: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. М., 2014. С. 20–23.
2. Болдин В.А. Журнал «Славянский Век» (1900–1904 гг.) в контексте истории панславизма // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник материалов Пятой международной конференции молодых ученых и специалистов «Слю-2015». М., 2015. С. 40–43.
3. Гилязов М.В. Политические идеи и проекты Р.А. Фадеева (1824–1884). М., 2002.
4. Лазари А. де. В кругу Достоевского. Почвенничество. М., 2004.
5. Ненашева З.С. Славянские общества в России в последней четверти XIX в. // Балканские исследования. Вып. 16. Российское общество и зарубежные славяне. XVIII – начало XX в. М., 1992. С. 34–35.
6. Прокудин Б.А. Идея славянского единства в политической мысли России XIX века. М., 2007.
7. Прокудин Б.А. В.И. Ламанский о единстве славян // Вестник Российской нации. 2016. № 3. С. 70–82.
8. Прп. Иустин (Попович). Достоевский о Европе и славянстве. М. – СПб., 2002.
9. Шириняц А.А., Мырикова А.В. Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века. М., 2010.
10. Шириняц А., Мырикова А. Русофобский мит на «панславизма» // Политически исследования. Българска асоциация за политически науки. София. Брой 1-2. 2010. С. 85–110.